

ЭТНОГРАФИЯ
КАК
ИСТОЧНИК
РЕКОНСТРУКЦИИ
ИСТОРИИ
ПЕРВОБЫТНОГО
ОБЩЕСТВА

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ**

**ЭТНОГРАФИЯ
КАК
ИСТОЧНИК
РЕКОНСТРУКЦИИ
ИСТОРИИ
ПЕРВОБЫТНОГО
ОБЩЕСТВА**

**Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979**

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
РЕКОНСТРУКЦИИ ПЕРВОБЫТНОСТИ**

Есть только одна наука о людях во времени, наука, в которой надо непрерывно связывать изучение мертвых с изучением живых.

М. Блок

Слова, взятые мною в качестве эпитафии, имеют непосредственное отношение к нашей проблеме — проблеме взаимодействия этнографии и археологии. Наука, в которой они протягивают друг другу руку, — это письменная история, история первобытного общества. «Чтобы истолковать скудные документы, позволяющие нам проникнуть в этот туманный генезис, чтобы правильно поставить проблемы, чтобы их хотя бы представить себе, надо выполнить одно важнейшее условие: наблюдать, анализировать пейзаж современный. Он сам по себе дает перспективу целого, из которой необходимо исходить» [4, с. 29].

Первобытная археология, как известно, занята поисками и изучением памятников первобытной культуры, остатками давно прошедшей жизни. Этнография даже там, где она выступает как источник реконструкции первобытной истории, обращена на живое, функционирующее общество. Что же общего между ними, что их объединяет? Их объединяет общая цель — они ищут истоки цивилизации, культуры. Их объединяет общность решаемых ими задач, общность предмета изучения, и этим предметом является первобытное общество. Обе они стремятся к его реконструкции, но каждая делает это по-своему. Если археология имеет дело с непосредственными его следами, с его скелетом,

который необходимо насытить плотью и кровью, с его материальным миром, из которого жизнь ушла, этнография соприкасается с самой этой жизнью, но лишь в современную нам эпоху, с «современным пейзажем», без которого, однако, по справедливому замечанию М. Блока, никакое понимание прошлого невозможно. Только сотрудничество обеих наук способно преодолеть ограниченность каждой из них. Археология — это само прошлое, но познание его осуществимо лишь с помощью настоящего. Только этнография делает возможной социально-культурную интерпретацию археологических памятников, только она способна вдохнуть в них жизни! Ведь она изучает современные дописьменные, экономически отсталые общества во всей их целостности как органические единства. Моделируя социальные организмы первобытности, она закладывает основы реконструкции социальных систем далекого прошлого.

Хотя прошлое и включено в настоящее, интегрировано им, его необходимо из этого настоящего извлечь, а это сложная методологическая проблема. В свое время Р. Маретт остроумно заметил, что мы наделяем современного человека своеобразным «синтетическим предком», скомбинированным из костей Ментоны или Дордони, одетым мясом австралийца, тасманийца или бушмена [58]. Не всякий «синтез» можно признать удачным. Научная реконструкция первобытности — не произвольное соединение разнородных элементов, и, подобно любому подлинному историческому исследованию, она должна опираться на известные методологические основы и принципы. Необходимо, следовательно, сформулировать теоретические основы синтеза археологических и этнографических источников для построения истории первобытного общества. Некритическое, неразборчивое привлечение материалов этнографии (беру все, что меня устраивает, безразлично — научно обоснованно это или нет) — оборотная сторона отрицания значения этнографических материалов (отвергаю все, что меня не устраивает, что противоречит моим представлениям о первобытности).

Теоретические основы научной реконструкции первобытности относятся к числу фундаментальных проблем истории первобытного общества. Без твердой, на-

учно обоснованной теоретической и методической базы, без опоры на факты, привлекаемые аргументированно, наши предположения будут строиться на песке. В попытках реконструировать общественный строй и культуру первобытности у нас нет недостатка. Между тем мы зачастую не спрашиваем себя, насколько обоснованными являются эти попытки, какими методами, какими критериями следует руководствоваться исследователю истории первобытного общества, привлекая данные по современным народам, изучаемым этнографией, координируя данные этнографии и археологии.

Совершенствование методов реконструкции истории первобытного общества — одна из наиболее важных и актуальных ее задач. Теоретической основой реконструкции первобытности является ясное понимание того, что общественные отношения, которые мы находим у современных отсталых племен, складывались исторически. Рассматривая, например, современное охотничье-собирательское общество как объект в относительно развитом состоянии, мы заключаем, что более низкие уровни его организации интегрированы им и генетически объяснимы из этого более высокого типа общественной организации. Именно этот методологический принцип выразил К. Маркс в известных словах: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны... Намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» [1, с. 731]. Этот принцип, согласно Марксу, дает возможность судить о социально-экономических структурах прошлых исторических эпох по их элементам, сохраненным и развитым современным обществом. Новая фаза развития не зачеркивает предшествующей, а интегрирует, вбирает ее в себя. Познание сущности и происхождения предмета необходимо начинать с анализа его зрелого состояния, с той его фазы, на которой с наибольшей полнотой развернулись его потенциальные возможности. Исследование сформировавшегося предмета бросает свет на его прошлое. Современное охотничье-собирательское общество помогает понять и объяснить древнее.

Реконструкция первобытности во всем ее объеме не может быть решена только археологией или только этнографией. Это задача особой синтетической науки,

истории первобытного общества, которая была бы невозможна без творческого взаимодействия археологии и этнографии. В то же время история первобытного общества является самостоятельным разделом всеобщей истории. Ею собственно всеобщая история и открывается, так как она охватывает тот наиболее длительный период существования человечества, на протяжении которого были заложены основы всего его дальнейшего развития.

Своеобразие истории первобытного общества состоит, однако, в том, что она не ограничивает себя какими-либо хронологическими или географическими границами и изучает первобытное общество вне зависимости от времени и места его существования, как в древности, так и в наше время, всюду, где она находит общества на ранних этапах социально-экономического развития, общества доклассовые. Следовательно, история первобытного общества — наука, изучающая историю первобытнообщинной формации. Концепция общественных формаций — ее краеугольный камень. Она является теоретической основой для сопоставления результатов археологии и этнографии при построении истории первобытности. Будучи разделом всеобщей истории, история первобытного общества ставит перед собой те же цели; однако ее интересуют в первую очередь не события, а процессы. От других разделов всеобщей истории ее отличают, далее, источники, а соответственно и особые методы исследования. Если традиционные разделы всеобщей истории опираются преимущественно на письменные источники, для первобытной истории на первом месте стоят одинаково этнография и археология, составляющие наряду с антропологией и исторической лингвистикой ее источниковедческую базу, и это делает ее поистине комплексной наукой. В связи с этим в истории первобытного общества большое значение занимает проблема источника. Как пользоваться этнографическими источниками и как сочетать их с другими категориями источников, прежде всего археологическими? С какими требованиями следует подходить к источнику? Методологические основы исследования, включая критику источников — важнейшее его звено, остаются здесь, однако, наименее разработанными.

Если какая-либо наука ставит перед собой задачу, отличную от задач других, уже существующих наук, если для решения этой задачи она может точно определить предмет, изучение которого отвечает этой задаче, если границы этого предмета можно определить бесспорно и точно, если задача и изучение этого предмета логически определяют специфику ее методов, то это значит, что мы имеем дело с особой наукой и что как таковая она имеет право на существование. Задача, стоящая перед историей первобытного общества, — воссоздание истории первобытного общества как первобытнообщинной формации, история ее как в древности, так и в новое время на основе всех доступных источников, археологических, этнографических и других. Из этого видно, что история первобытного общества не конкурирует с археологией или этнографией и является самостоятельной отраслью знания. Предмет истории первобытного общества — общество и культура в их историческом движении, в их многообразных исторических и региональных формах, на стадии развития, простирающейся от их возникновения до появления классового общества. История первобытного общества — комплексная, «пограничная» наука, стоящая на грани различных наук, опирающаяся на их источники и конечные результаты, и соответственно методы ее должны быть комплексными.

Опираясь на исследование локальных исторических типов, археологических и этнографических, история первобытного общества синтезирует достигнутые при этом результаты и на их основе возводит здание истории первобытнообщинной формации как отвлеченного от пространственно-временных условий общего историко-типологического понятия [10; 11].

Археолог и этнограф типологизируют и обобщают в определенных пространственно-временных координатах. Построение понятия «археологическая культура» или «археологический тип», конструирование понятия «этнографический тип» опираются на единый в своих основных чертах процесс индивидуализации и генерализации, цель которого состоит в установлении индивидуального своеобразия объекта исследования. Значение локальных исторических типов — во вскрытии индивидуальной специфики соответствующих обществ,

связанной с неповторимыми условиями существования.

Понятие общественной формации по своей логической структуре относится к общим историческим типам, абстрагированным от конкретных условий места и времени. Критерием общественной формации является определенная совокупность социально-экономических признаков, а не время или место ее существования. На земле одновременно существуют различные формации, и, наоборот, одни и те же формации существовали в различные исторические эпохи. Одна и та же формация в зависимости от времени, места и других причин может выступать в различных конкретно-исторических формах, и, наоборот, любое человеческое общество является формой конкретно-исторического существования определенной общественной формации. Будучи явлением историческим, формация находится в процессе развития. Чтобы воспроизвести историю первобытнообщинной формации, мы вынуждены абстрагироваться от условий места и времени, заданных нам нашими источниками. Данные этнографии и археологии заключают в себе одновременно индивидуальное, свойственное конкретному обществу и конкретному историческому моменту, и типическое, отражающее общие закономерности определенной общественной формации. Это позволяет соотносить факты этнографии и археологии не по историко-хронологическим, а по историко-типологическим признакам, что и составляет сущность историко-типологического метода.

Сравним, например, этнографический тип охотников и собирателей — аборигенов Австралии с археологическим типом охотников позднего палеолита, допустим, обитателей восточноевропейской равнины. Те и другие не только конкретные общества в конкретных исторических и географических условиях, с которыми связано их своеобразие, но еще и определенный этап в развитии первобытнообщинной формации, они несут в себе признаки этой формации, тенденции ее развития, и в этом их значение для построения истории и теории первобытного общества. Или, например, северные атапаски доколониальной эпохи (этнографический тип) и мезолитические племена лесной полосы Евразии (археологический тип). Будучи конкретными обществами в конкретных исторических и географических условиях,

они представляют еще и определенный этап в развитии первобытнообщинной формации, они тоже несут в себе признаки этой формации в целом и этого этапа в частности. Необходимо, следовательно, «освободить» конкретно-исторический материал от всего индивидуального, соответствующего определенным социально-историческим и географическим условиям, выявив путем сопоставления с аналогичными материалами по другим странам, народам и эпохам общие закономерности развития обществ подобного типа как представителей определенной общественной формации, точнее, одного из ее этапов. В этом и состоит задача истории первобытного общества.

Мы можем, например, отнести аборигенов Австралии и Тасмании, мрабри Таиланда и Лаоса, гуахибо и огнеземельцев Южной Америки к одному общему историческому типу первобытных охотников и собирателей, так как, несмотря на все несходство географических и исторических условий, в которых протекало формирование этих народов и которое наложило неизгладимую печать на их культурный облик и обусловило в каждом отдельном случае его специфику, эти различия фиксируются лишь в пределах общего исторического типа охотников и собирателей. Ведь в социально-экономических отношениях этих народов так много сходного, что оно делает их поистине представителями этого единого типа.

По словам Ш. Летурно, этнографическим изучением народов, все еще живущих (или живших недавно) в условиях первобытности, должно начинаться всякое серьезное изучение общества. Этот лозунг науки XIX в. сохраняет свое значение и сегодня. Но основа такого исследования — историко-типологический метод.

Как уже говорилось, историко-типологический метод теснейшим образом связан с концепцией общественных формаций. Основные признаки формации, ее глубинные, базисные отношения — вот что позволяет нам сближать общества, живущие в различной географической среде и в разные исторические эпохи. При этом, разумеется, необходимо учитывать характер и размеры воздействия, оказанного историческими, географическими и иными условиями на развитие обществ, однотипных в своих фундаментальных признаках. Нужен

подчас глубокий предварительный анализ, прежде чем мы сможем утверждать, что этнографические и археологические типы, с которыми мы имеем дело, действительно представители одного и того же общего исторического типа, и мы вправе их соотносить и сопоставлять. В соотношении общественной формации и многообразных конкретно-исторических форм ее проявления находит свое выражение диалектика общего и особенного.

Реконструируя прошлое, следует привлекать материалы стадияльно близкие, находящиеся к реконструируемому социально-историческому типу на возможно более близком уровне общественного и культурного развития. Привлечение стадияльно-равноценных этнографических материалов, однако, может быть оправдано лишь в том случае, если нами учтены исторические и географические условия, оказавшие воздействие на развитие соответствующих обществ, наложившие на их общественный строй и культуру тот особый отпечаток, который мы не вправе безоговорочно переносить на реконструируемые нами социально- и культурно-исторические типы. Следует остерегаться механического перенесения в прошлое современных этнографических материалов.

Но как быть с археологией, материалы которой зачастую фрагментарны и не дают целостной картины общества и культуры? Можно ли по этим материалам судить о том, какую именно стадию развития они представляют? Да, если вспомнить, что во многих археологических памятниках, особенно таких, как жилища и поселения, отразились какие-то существенные черты социально-экономической структуры. Археология дает возможность проникнуть в основы материального производства изучаемых ею обществ. Она позволяет судить о том, было общество оседлым или вело подвижный образ жизни. Более того, археология, вооруженная современными методами исследования, может сказать нам, какими были численность и плотность населения, поддерживало ли оно и в какой степени обменные или торговые отношения с другими обществами и чем именно обменивалось, существовало ли в обществе имущественное и социальное расслоение, и многое другое. Разве всего этого не недостаточно, чтобы судить о том,

какие именно этнографические типы могут быть положены в основу реконструкции обществ и культур, изучаемых археологией?

Характеризуя общество как систему, следует различать главное в ней — экономический базис — и многообразные общественно-нормативные и идеологические отношения и институты. К ним относятся формы рода и родственных связей, общественный статус мужчин и женщин, формы регулирования и управления общественной жизнью и т. п. Все это во многом находится в зависимости от таких экономических факторов, как уровень развития производительных сил, формы собственности и распределения продукта, разделения труда и его организация, преобладающее направление хозяйства и т. д. Но находиться в зависимости от перечисленных факторов не значит непосредственно вырастать из них. Зависимость здесь чаще не прямая, а опосредствованная, и ее не всегда легко уловить. В человеческом обществе отсутствует жесткий, прямолинейный детерминизм. Социальные и идеологические явления, особенно далеко отстоящие от экономического базиса, развиваются по особым законам. Многие явления, в свою очередь, оказывают обратное влияние на базис. И все же социально-экономические отношения — ключ к пониманию общественной структуры в целом. Это в полной мере верно и для первобытнообщинного строя.

Не все элементы социальной структуры формировались одновременно. Раньше всего, по-видимому, сложились элементы, непосредственно связанные с производством. Поэтому анализ отношений у современных охотников и собирателей в целях реконструкции первобытности следует начинать с отношений, непосредственно связанных с производством, отношений базисных, определяющих последующее развитие общественной структуры в целом.

Из сказанного, казалось бы, вытекает, что мы лишены возможности реконструировать общественные и идеологические институты, не связанные непосредственно с экономическим базисом, так как, не будучи жестко детерминированными условиями производства и системой производственных связей, они могли в прошлом развиваться по иным законам и принимать

иные формы, чем у народов, изучаемых этнографией¹. Вот почему так важны сравнительно-этнографические исследования, позволяющие выявить единые тенденции в развитии обществ, стоящих на одинаковом или близком уровне социально-экономического развития. Здесь отражены не случайные явления, а необходимые закономерности, свойственные этим обществам. Выражением этих закономерностей и тенденций являются прежде всего общественные структуры как целостности. Универсальность человеческой культуры обнаруживается на уровне структур, а не отдельных, изолированных эмпирических фактов. Сравнение изолированных явлений имеет, как правило, ограниченное значение. Реконструируя прошлое, следует опираться не на эмпирическую реальность, а на модели, построенные на ее основе; но об этом ниже.

Общественные закономерности, однако, проявляются не в абстрактной форме — они воплощаются в конкретных социальных явлениях и институтах. Среди таких институтов первостепенное место занимает община — основная социально-экономическая и структурная ячейка первобытного общества, выражающая с наибольшей полнотой ведущие, основополагающие тенденции этого общества, его наиболее типические черты. В отличие от других общественных институтов община является выражением социально-экономического базиса первобытного общества. Можно полагать, что община как форма организации совместного хозяйства первобытного коллектива возникла одновременно с появлением общественного производства. Это не означает, конечно, что она была во всем аналогична общинам современных охотников и собирателей. Это была община на ранней стадии своего развития. Подобно любым общественным институтам, община, оставаясь основной социально-экономической ячейкой общества, в то же время развивалась, отражая в своем развитии основные этапы истории человека и общества в целом.

Главной предпосылкой историко-типологического метода в изучении истории первобытности является единство и закономерный характер развития челове-

¹ Ср. замечания Э. Геллнера [39, с. 537—540] в связи с моей статьей [6а].

ства. Сходные явления в развитии общества и культуры возникают не только вследствие влияния одних обществ на другие (например, высокоразвитых на отсталые), но прежде всего на основе единых социально-исторических закономерностей, которые особенно ярко проявляются на одинаковых стадиях развития, независимо от времени и места существования соответствующих обществ; факторы места и времени лишь накладывают печать на самый характер проявления этих закономерностей. Хронологически поздние явления могут оказаться стадияльно очень ранними и объясняющими происхождение и развитие хронологически предшествующих явлений. Историко-стадиальный подход — один из основополагающих принципов историко-типологического метода.

Типология должна быть историчной. Перед исследователем, руководствующимся историко-типологическим методом, возникает необходимость изучать внутренний механизм сопоставляемых современных обществ как динамичных социальных систем, выявляя закономерные, причинные связи, определяющие их структуру и движение, и на этой основе идти к раскрытию структуры реконструируемых обществ, их функционирования, а следовательно, механизма их движения и развития. Так мы приблизимся к пониманию социальных структур прошлого в их динамике.

Первобытный социальный организм находится в непосредственных связях с экологической средой, которая влияет на него, с которой он взаимодействует, само существование которого вне этой среды невозможно. Здесь уместно, может быть, напомнить слова И. М. Сеченова о том, что в научное определение организма должна входить и среда, влияющая на него и делающая возможным само его существование. Вообще любая единица социальной системы должна определяться в терминах ее взаимосвязи с другими элементами системы в целом и с ее несоциальным окружением. Тем более верно это для первобытного социума. Чем примитивнее материально-техническая вооруженность общества, тем непосредственнее воздействие на общество географической среды. Осваивая новую экологическую среду, охотники и собиратели вынуждены приспособлять к ней все свои социально-экономиче-

ские и культурные механизмы. Материалы археологии позволяют проследить уже в позднем палеолите формирование различных типов социальной и культурной адаптации к различным объективным условиям первобытного промыслового хозяйства, проследить складывание различных хозяйственно-культурных типов. В ходе этой социокультурной адаптации устанавливается своего рода динамическое равновесие социальной системы, причем динамическим оно является вследствие происходящих в глубине этой системы процессов и изменений. Но, учитывая всю степень воздействия географической среды на первобытное общество, не следует все же абсолютизировать, преувеличивать значение этого фактора. Общественные отношения внутри первобытных коллективов, обитающих в самой различной природной среде, оказываются подчас поразительно сходными в своих основополагающих признаках, и это дает нам возможность сравнивать и соотносить эти коллективы между собой, рассматривая их как представителей в основном одного и того же типа общественно-экономической организации.

Иногда говорят о том, что современные отсталые племена, в отличие от первобытных обществ прошлого, живут в осложненной экологической среде или что на них оказали воздействие более развитые общества, а поэтому их общественный строй деформирован, следовательно, нетипичен и непригоден для сравнительно-исторических реконструкций. Такие возражения нельзя признать обоснованными. Действительно, оба эти фактора могли сыграть свою роль, и, приступая к сравнительно-историческому анализу, исследователь должен учитывать их. В этом ему особенно помогают исследования, раскрывающие историю сложения конкретных обществ и культур. Однако воздействие более развитых обществ на менее развитые или различие природных условий не является особенностью только нашего времени. Так было всегда. Человечество всегда, начиная уже с раннего палеолита, развивалось неравномерно, всегда более развитые общества оказывали то или иное воздействие на менее развитые, если только последние не были изолированы. Всегда люди обитали в различной природной среде, порою очень неблагоприятной — и в тундрах, прилегающих к ледникам, в крайне

суровых климатических условиях, и в выжженных солнцем степях и пустынях, и в горах, и в тропических лесах. Развитие человечества уже в эпоху палеолита шло на огромной территории, включавшей все разнообразие географических ландшафтов. Глубоко различным был и социально-культурный потенциал обществ, входивших в соприкосновение. Неравномерность общественного развития — явление общее для всего человечества на протяжении всей его истории, и в этом отношении современные охотники и собиратели не представляют чего-либо исключительного или нетипичного по сравнению с их далекими предками. Задача состоит в том, чтобы исследовать, насколько возможно, размеры и степень воздействия исторических и географических факторов на развитие того или иного общества.

Проблема влияния развитых обществ на отсталые должна решаться по-разному в различных конкретных ситуациях, для разных районов земного шара, разных эпох. Ее нельзя просто снять априорным утверждением, что общества, дожившие до эпохи колониальной экспансии или вступившие в то или иное соприкосновение с «высокими» цивилизациями, оказавшись на их «периферии», уже в силу этого должны были изменить свой общественный строй. Воздействие более развитых обществ на менее развитые в различных социально-исторических условиях было далеко не однозначным. Так, общественный строй многих народов Северной Америки, вступивших в товарно-денежные отношения с колонизаторами, был деформирован в большей степени, чем общественный строй бушменов, пигмеев Конго или аборигенов Австралии, находившихся в сравнительно большей изоляции. Стремясь понять общественный строй и культуру народа, мы должны исходить прежде всего из условий его жизни, из его социально-экономических отношений, из внутренних факторов его развития. Всякое заимствование, для того чтобы оно могло стать органической частью культуры народа, должно быть подготовлено всем его развитием, упасть на подготовленную почву, соответствовать культуре этого народа, а не быть в ней чужеродным телом.

Степень воздействия колонизации на традиционную культуру и социальные отношения отсталых народов может быть очень различной. В одних случаях она

оставляет без изменений некоторые важные аспекты традиционной структуры, а в других искажает или совершенно разрушает ее. Но и в тех случаях, когда традиционная социальная организация деформирована или разрушена, некоторым исследователям удается реконструировать доконтактное ее состояние по сведениям, полученным от самих аборигенов, и другим источникам. Так, Л. Г. Моргану удалось реконструировать общественные отношения, характерные для ирокезов в прошлом, несмотря на то что они находились в контакте с европейцами с начала XVII в. и, по собственному признанию Моргану, их традиционный общественный строй был совершенно разрушен [13, с. 43].

Сближая локальные исторические типы, мы делаем это не только потому, что им присущи определенные формы хозяйства, что все они, допустим, охотники, собиратели и примитивные рыболовы. Мы опираемся на целый комплекс явлений, характеризующих социально-экономический базис этих обществ. Но, хотя формы хозяйственной деятельности и не могут быть единственным критерием для выделения стадий эволюции первобытного общества, им принадлежит в ней все же очень важная роль. Это видно уже из того, что один из крупнейших переворотов в истории человеческого общества в его социально-экономической структуре был связан с переходом от присваивающих форм хозяйства к производящим, прежде всего к земледелию. Как, например, ни примитивны были в недавнем прошлом земледельцы-папуасы Новой Гвинеи, все же по своему социально-экономическому развитию они стояли значительно выше всех типичных представителей присваивающей экономики. Не случайно свою периодизацию развития человечества от дикости через варварство к цивилизации Ф. Энгельс, вслед за Морганом, связал с переходом от присваивающих форм хозяйства к производящим.

Известно, что и на основе присваивающего хозяйства некоторые народы (например, Северо-Западной Америки, Дальнего Востока) достигли сравнительно высокого уровня общественного развития, имущественного и социального расслоения, незнакомаго большинству других представителей присваивающих форм хозяйства и

сравнимого с уровнем, достигнутым ранними земледельцами. Однако такие примеры в целом нетипичны для представителей присваивающей экономики и не характеризуют генеральную линию развития. Связано это с особыми, исключительно благоприятными условиями, среди которых основную роль сыграл периодический избыток продуктов рыболовства, превышающий непосредственные потребности, наряду с умением запасать его впрок. С этими условиями связана и оседлость — полная или относительная. Основное направление хозяйства всех этих народов — рыболовство и охота на морского зверя. Основа питания индейцев Северо-Западной Америки и некоторых народов Дальнего Востока — лососи периодически в огромных количествах поднимались в реки побережья. Эту периодичность и изобилие можно сравнить разве только с периодическим урожаем продуктов земледелия у народов земледельцев. Эти общества по праву можно назвать «собираателями урожая лососевых». Индейцы запасали на зиму до тысячи лососей на семью и до двух тысяч литров жира на человека. Специализированная рыболовная техника достигла у них большого совершенства, и это также ставит их на неизмеримо более высокую ступень, чем большинство других, примитивных, неспециализированных рыболовов, охотников и собирателей. Высокий уровень развития производства и был главным условием сравнительно высокого уровня общественного развития, незнакомаго большинству других представителей присваивающих форм хозяйства. Более того, у индейцев Северо-Западной Америки существовали начатки земледелия (разведение табака) и животноводства (разведение собак на шерсть); начатки животноводства имелись и у нивхов (выращивание лис). Часть орудий труда указанные народы изготовляли из металлов. Все это тоже делает их несравнимыми с типичными представителями присваивающей экономики. Упомянутые выше группы оседлых рыболовов и охотников на морского зверя — это социально-экономические структуры особого типа, во многом примыкающие к народам с производящей экономикой. Типологически они мало чем отличаются от ранних земледельцев. В обычных условиях носители присваивающих форм хозяйства не поднимаются до такого уровня иму-

щественного и социального расслоения. В то же время характер общинно-родовой структуры сближает оседлых рыболовов и охотников Дальнего Востока с другими представителями присваивающей экономики. Общества этого типа в целом занимают промежуточное положение между обществами, экономика которых основана на присваивающих и на производящих формах хозяйства.

Знаменательно и то, что народам, достигшим сравнительно высокого уровня общественного развития на основе присваивающего хозяйства, свойственно паразитическое единообразие в формах хозяйственной деятельности. А это говорит о том, что формы хозяйства сыграли определенную роль в развитии и этого социально-экономического и культурно-исторического типа.

Вообще хозяйство тесно связано в первобытном обществе с социальной организацией и идеологией — значительно теснее, чем на более высоких уровнях общественного развития. Хозяйство здесь как бы вплетено в самую ткань общественной жизни, и это одна из тех особенностей первобытного общества, вне учета которых невозможно его понимание. Причем речь здесь идет не просто о переплетении хозяйства с социальной и идеологической сферами, а об одной из существеннейших особенностей первобытнообщинной формации — об известной нерасчлененности базисных и надстроечных явлений, обусловленной спецификой производственных отношений, что не исключает, конечно, примата экономики.

Говоря о сходстве социально-экономических категорий, сближающем различные социальные системы, различные локальные исторические типы, мы имеем в виду уровень развития производительных сил, хозяйственный уклад, формы собственности, принципы разделения труда и обмена деятельностью, формы распределения продукта, структуру и функции общины как основной экономической ячейки общества, зависимость численности общин охотников и собирателей от экологических условий (или — иначе — закономерное соотношение между сезонным циклом в природе, сезонными миграциями и численностью общин, другими словами, соответствие цикла природного цикла общественному) и т. д. Все это основные, ведущие показатели, характе-

ризирующие социально-экономический базис соответствующих обществ, а не второстепенные, произвольно выхваченные или надстроечные явления. Сближая эти общества, мы опираемся не на случайные признаки, а на совокупность социально-экономических факторов. Следовательно, когда мы говорим о том, что данные социальные системы относятся к одному общему историческому типу, то имеем в виду, что они представляют человеческое общество на определенной ступени социально-экономического развития, или определенный этап в развитии первобытнообщинной формации. Мы исходим из понимания первобытного общества как динамичной, развивающейся общественной формации. Будучи формой конкретно-исторического существования общественной формации, отдельное общество представляет в то же время и один из ее этапов.

Принцип стадальной равноценности, опирающийся на однородность социально-экономического базиса в его основных показателях, принцип, которым мы руководствуемся при отборе этнографических и археологических данных в целях сравнительно-исторического исследования, гарантирует нас от ошибок и произвола. Принцип этот необходим и в пределах изучения одной формации. Очень рискованно реконструировать общество палеолитических охотников Европы с помощью этнографических данных по мотыжным земледельцам, опираясь лишь на внешнее, весьма отдаленное сходство в образе жизни, как предлагает Л. А. Файнберг, который идет даже так далеко, что по одному лишь сходству в планировке жилищ в неолите и европейском палеолите предполагает, что в палеолите уже существовала родовая организация [19, с. 76—77]. При отнесении конкретного общества к той или иной стадии в сравнительно-этнографическом исследовании следует руководствоваться, как уже говорилось, не отдельными признаками, а совокупностью основных социально-экономических категорий.

Единственное, что можно сказать о палеолитических охотниках Европы, живших в особенно благоприятных экологических условиях и поэтому относительно оседлых, это то, что им, возможно, удалось даже на основе присваивающих форм хозяйства достичь сравнительно высокого уровня общественного развития, нетипичного

для большинства современных охотников. Но каковы были конкретные формы их общинно-родовой организации, мы не знаем.

Добавим, что наличие долговременных жилищ и поселений не характеризует эпоху палеолита в целом. Это — лишь один из большого разнообразия типов, свойственных данной эпохе, и что бы мы ни предположили относительно социальных отношений, присущих этому типу, наши предположения относятся лишь к ограниченной области расселения людей эпохи палеолита и не имеют всеобщего характера. Существование рода в данных условиях теоретически возможно, но, допуская такую возможность, мы исходим не из поверхностных аналогий, не из отдельных признаков, которые сами по себе ничего не говорят о наличии или отсутствии рода, а из уровня развития общества в целом. И, допуская, что род мог возникнуть уже в палеолите, мы оговариваемся, что это имело место лишь там, где общественная организация достигла сравнительно высокого уровня развития.

Охарактеризованный выше прием поверхностных аналогий, внешнего уподобления археологических материалов этнографическим мы встречаем порою и в работах археологов.

Своеобразный метод реконструкции прошлого предложил Б. Ф. Поршнев [16, с. 54—55]. Он называет его «методом контраста». «Историзм открывает новые возможности реконструкции далекого прошлого по принципу глубокой противоположности настоящему», — пишет он. Но почему же в прошлом, даже далеко, все должно быть обязательно противоположно настоящему? Действительно, развитие есть превращение противоположностей, но из сказанного еще не следует, что в настоящем это превращение уже завершилось, в чем-то оно, возможно, еще продолжается. Историзм — это принцип изучения предмета в его возникновении и развитии, он требует рассмотрения явлений в их движении, внутренней закономерности и взаимной связи, но не поисков «противоположности настоящему». «Метод контраста» имеет глубокие корни: он возник еще в первобытные времена, когда люди именно таким образом объясняли происхождение явлений окружающего мира. Например, в настоящее время мир как-то орга-

низован, — значит, в прошлом был хаос; сейчас живет-ся плохо, — значит, в прошлом был золотой век; сейчас господствуют мужчины, и важнейшие обряды находятся в их руках, — значит, в прошлом господствовали женщины и важнейшие обряды находились в руках женщин, и т. д. «Метод контраста», конечно, нельзя признать научным методом.

В реконструкциях истории первобытного общества и первобытной культуры большое место занимает метод пережитков, введенный еще классиками этнографии XIX в. Что же такое пережиток и каковы научно обоснованные критерии, позволяющие считать данное явление действительно пережитком, притом определенной эпохи? Ответа на этот вопрос мы обычно не находим даже у авторов, широко пользующихся этим методом. Каковы доказательства того, что перед нами пережитки прошлых эпох и исчезнувших культур? Ведь прежде чем пользоваться этим методом на современном уровне, необходимо разработать систему научных доказательств, критериев, методических принципов, которые убедили бы нас в том, что данные явления действительно являются пережитками и порождены в определенную эпоху известными причинами, а не возникли позднее и под воздействием совершенно иных условий.

Обычай, зафиксированные у современных народов, молчат о том, в какую эпоху они возникли. Этнографические факты — сколько бы их ни приводили — сами по себе ничего не говорят о том, что они появились именно в ту эпоху, откуда хотел бы вывести их автор. Такие доказательства обычно не лежат на поверхности. Чтобы найти их, необходим специальный анализ. И такой анализ нередко показывает, что эти факты объясняются существующими в настоящее время или существовавшими в различные иные эпохи условиями жизни, быта, труда, социальной психологии. Сходные общественно-исторические условия в сочетании с психологическими константами человеческого ума, едины повсюду, способны порождать и возрождать заново аналогичные явления, социальные институты, обычаи, верования, и этим часто и объясняется их широчайшее распространение и повторяемость во времени. Но аналогия — не аргумент. Прежде чем рассматривать то или иное социальное или идеологическое явление как

пережиток, следовало бы сначала попытаться понять, какое же место занимает оно в том социальном и идеологическом целом, в той системе, из которой оно взято. Так, многие явления, связываемые обычно с понятием «авункулат», нет никакой необходимости относить к пережиткам материнского рода, если они найдены в условиях отцовского. Они вполне объяснимы отношениями, существующими в последнем. Утверждают, например, что обычай, согласно которому охотник обязан снабжать пищей свою сестру и ее детей, наблюдаемый у патрилинейных и патрилокальных австралийцев племени аранда, следует рассматривать как пережиток прежней материнско-родовой организации. При этом забывают, что у австралийцев патрилокальность и патрилинейность очень часто связаны с общиной, а принадлежность к тотемическому роду одновременно передается по материнской линии. Роли общины и рода в обществе различны, а с этим связано и указанное различие. Следовательно, сестра и ее дети принадлежат к тому же роду, что и брат сестры, и упомянутый обычай можно рассматривать как выражение солидарности людей, принадлежащих к одному тотемическому роду, но живущих в разных общинах. Это лишь один пример из множества подобных же фактов, которые не могут быть поняты правильно, если мы рассматриваем их изолированно, вне связи с целым, с той системой социальных координат, вне которой факты не имеют смысла. Необходимо сначала выявить механизмы возникновения тех или иных социально-культурных явлений, выявить систему закономерных общественных связей, внутри которой они функционируют, и только это даст возможность понять и объяснить их. Важно не вырывать отдельные явления из социального и культурного контекста, а рассматривать их в единстве с другими явлениями, с социальным и культурным целым, потому что общество не произвольная комбинация случайных явлений, а система, элементы которой объединены необходимыми и закономерными связями. Поэтому анализ социальной структуры, раскрытие внутренних связей и отношений в обществе наших дней или недавнего прошлого бросает свет на отношения, бытовавшие в обществах подобного типа, в какую бы эпоху они ни существовали.

Сторонник диалектического метода стремится рассматривать явления в их взаимной, органической связи и обусловленности, полагая, что ни одно явление в природе и обществе не может быть понято, если оно берется в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями. Между тем многие сравнительно-этнографические исследования, посвященные происхождению и развитию социальных институтов и явлений культуры, представляют собой пестрое собрание самых разнообразных фактов, заимствованных из всех эпох и от всех народов, порожденных самыми различными общественными и историческими условиями. Представления о социально-культурном целом, органическую часть которого эти факты составляют и вне которого они лишены жизни и не могут быть правильно поняты, эти работы обычно не дают. По меткому замечанию Рут Бенедикт, перед читателем возникает некое чудовище «с правым глазом из Фиджи, левым — из Европы, одной ногой с Огненной Земли, другой — с Таити, с пальцами на руках и ногах из самых разных мест земного шара. Такая фигура не соответствует реальности ни в прошлом, ни в настоящем» [23, с. 49]. Выхватыванию отдельных явлений из социального целого, где они органически связаны с другими явлениями, хотелось бы противопоставить метод этнографического моделирования, дающий возможность выявить ведущие тенденции и закономерности, метод проецирования их — а не отдельных, изолированных явлений — в прошлое путем сопоставления с археологическими материалами. Подробнее об этом методе — дальше.

Реконструкция таких социально-исторических типов далекого прошлого, которые, как нам кажется, уже не имеют этнографических параллелей, даже отдаленных, требует особой осторожности. Метод пережитков, к которому обычно прибегают в таких случаях, может быть надежным и эффективным инструментом научного познания, только если нам удалось доказать, что данное этнографическое явление действительно лишь пережиток, что оно не порождено существующими в настоящее время условиями. И если мы докажем это, нам еще предстоит показать, какой именно эпохой в развитии общества и культуры оно порождено. Метод пережитков не теряет своего значения и сегодня, но лишь

при условии критического и осторожного обращения с ним. Привлечение того или иного явления в качестве пережитка должно быть научно аргументированным. Это требование может показаться чрезмерным и трудно выполнимым, но только оно избавит наши опыты реконструкции первобытности от субъективизма и произвола, а метод пережитков сможет по праву называться научным методом. И тогда он будет успешно сочетаться с историко-типологическим методом, органически связанным, в свою очередь, с методом сравнительно-историческим, давно нашедшим признание в науке [17; 5, с. 244].

Реконструкция первобытной истории, в моем понимании, распадается как бы на два последовательных этапа типологизации или обобщения. На первом этапе мы привлекаем этнографические и археологические материалы, относящиеся к тем или иным конкретным современным и древним этносам, тем или иным локальным культурам как этнографические и археологические типы или как локальные исторические типы, обладающие определенными пространственными и временными координатами. На втором этапе мы абстрагируемся от пространственно-временных характеристик этнографических и археологических типов и, опираясь на сходство их социально-экономических структур, объединяем их как представителей одной и той же стадии развития или одного и того же общего исторического типа.

Развитие и структурообразование обществ, стоящих на одинаковом или близком уровне социально-экономического развития, определяются едиными в своей основе закономерностями. Следовательно, познание обществ, изучаемых археологией, возможно лишь в том случае, если ясны, пусть в самых общих чертах, основные, ведущие закономерности или тенденции, действующие в обществах, изучаемых этнографией. Вот почему реконструкция первобытности ставит перед этнографией как одну из самых насущных ее задач построение моделей общественных структур на различных этапах развития, начиная с самых ранних, — таких моделей, в которых индивидуальное, свойственное конкретным обществам было бы по возможности нивелировано, а общие, единые закономерности и тенденции выявлены.

В основе моделирования должна находиться кон-

кретная, эмпирическая реальность. Но модель не является эмпирической реальностью, она не тождественна ей. Модель — упрощенная, символическая схема, предназначенная для объяснения реальности [18, с. 291]. Эмпирическая реальность — лишь сырой материал общественного опыта, из которого строятся модели. Модель находится на более высоком уровне. Этот уровень можно назвать надэмпирическим. Первым шагом на пути построения модели является непредвзятое собрание, наблюдение и анализ фактов. Лучшая модель та, которая учитывает все наблюдаемые факты. Однако модель не является суммой эмпирических фактов. Цель моделирования — не просто выразить некую систему социальных отношений, не просто описать ее, но в то же время и объяснить ее [62]. Условие построения модели — известная дистанция между моделью и реальностью. «Модель и отображаемый при ее помощи объект находятся в отношении сходства, а не тождества» [20, с. 49]. Модель должна быть свойственна большей, чем в объекте, степень абстракции, иначе познавательная функция модели исчезает. Модель «беднее» своего объекта. В то же время она не должна быть и чрезмерно абстрактной.

Построение модели — необходимый этап исследования любого объекта. Модель не объект исследования, а метод объяснения, инструмент научного познания действительности. «Научная модель заменяет объект отнюдь не в том смысле, что может быть использована вместо него в практической жизни — заменяемость эта реализуется лишь в процессе познания. Так, модели гена с успехом заменяют моделируемый ими объект в процессе познания. Как взглянули бы па шутника, который сказал бы, что генетика бесполезна, поскольку не может заменить радости любви или произвести на свет живого ребенка» [9, с. 281].

Следует заметить, что в науке как объекты (в нашем случае этнографические и археологические типы во всей их неповторимой индивидуальности), так и их модели одинаково функционируют в сфере познания, но на разных его уровнях. Именно поэтому они не могут заменить друг друга.

Под этнографической моделью я понимаю обобщение, основанное на совокупности, или системе этно-

графических типов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития. Этнография, как известно, имеет дело с множеством народов, культур, общественных укладов. Имеется ли какая-нибудь возможность, существует ли надежный, объективный критерий, позволяющий ориентироваться в этом океане фактов, группировать и систематизировать их? Таким критерием и являются социально-экономические отношения. Группируя общества, стоящие примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития, мы получаем упорядоченную систему этнографических типов, каждый из которых представляет собой как бы одно из делений на шкале социально-экономического развития.

Общества, объединяемые нами в систему, могут обитать в различной географической среде, которая самым непосредственным образом отражается на хозяйственном укладе и культурном облике народа. Эти общества несут на себе печать всего их исторического опыта, включая контакты с другими народами и культурами. Вследствие этого культурный облик этнографических типов, стоящих на одинаковом или близком уровне социально-экономического развития, оказывается подчас глубоко различным. Чтобы сделать их пригодными для сравнительно-типологического анализа, мы вынуждены элиминировать индивидуальное, особенное, соответствующее своеобразным социально-историческим и географическим условиям, выявляя общее, необходимое, типическое. И обнаруживая в них глубинные структурные соответствия, общие тенденции социального развития, мы и создаем тем самым абстрактные, идеальные этнографические модели, лишённые индивидуального своеобразия, но зато пригодные для сравнительно-типологического анализа.

Восходя от конкретного к абстрактному, мышление познает исследуемый предмет глубже, полнее, чем опираясь на простую сумму конкретных знаний. Отвлекаясь от внешних, лежащих на поверхности свойств и явлений, абстрактные понятия отражают сущность предмета. Но их не следует формулировать умозрительно — они должны вытекать из всестороннего анализа конкретных фактов. Так, абстракция способа производства — это отражение наиболее существенных

особенностей множества конкретных способов производства, обусловленных пространственно-временными факторами. В этнографии подобные построения остаются еще делом будущего, а ведь это одно из важнейших условий реконструкции истории первобытного общества.

Реконструкция первобытности, как это ни парадоксально, всегда начиналась в этнографии, имеющей дело с современностью. Историки первобытности всегда обращались к этнографии за фактами и концепциями, проливающими свет на прошлое, объясняющими его. Понятия, сформулированные этнографией и обобщающие данные этнографии («род», «матриархат», «тотемизм» и многие другие), затем проецировались в далекое прошлое человечества. Но этнографы могут предложить не только отдельные факты или отвлеченные понятия, но и упорядоченные, систематизированные материалы как основу для сравнительно-исторического анализа. Особенно ценны массовые, статистические данные и этнографические модели.

Имея в своем распоряжении сконструированные этнографами идеальные модели, историк первобытности располагает уже не случайными фактами, а определенным образом организованными и систематизированными фактами статистическими, фактами-тенденциями. Научно обоснованное исследование знаний о современности для познания прошлого (примером может служить метод актуализма в геологии и палеонтологии) следует отличать от научно несостоятельного, механического перенесения знаний об одной эпохе на другую. Напомню, что под методом актуализма понимается использование знаний о современных стадиях развития земли для суждения о сходных процессах прошлых стадий.

Историк должен найти правильное соотношение двух, казалось бы, противоположных принципов, в сжатой форме выраженных двумя великими мыслителями. Первый принцип сформулирован Гёте: «Существеннее всего понять, что все фактическое уже теория. Не следует искать чего-либо за явлениями, они сами — научная система». Второй — Эйнштейном: «Индуктивный метод не ведет к основным концепциям физики... Мы теперь видим, как ошибались те теоретики, которые верили,

что теорию можно вывести индуктивно из опыта». Сказанное относится не только к физике.

«Факты — воздух ученого», — говорил И. П. Павлов, а он отнюдь не был педантичным нанизывателем фактов. Но факты сами по себе не делают теорию, и даже горы фактов не в состоянии доказать одну-единственную, но ошибочную идею.

Принципы эти не противоположны. Идея движет наукой и освещает факты. Факты порождают и обосновывают научную идею. Факты не только организованные и систематизированные, но и относящиеся к делу. Принципы отбора, отсева, оценки, взвешивания фактов в своей совокупности составляют важнейшую часть того, что называется научным методом. С этого начинается работа историка. С этого же должна начинаться и реконструкция первобытной истории.

Возможно ли моделирование пройденных этапов социального развития, от которых не осталось письменных памятников, чисто логическим путем, умозрительно и интуитивно? Ведь научная интуиция является в конечном счете результатом эмпирического познания действительности, продуктом общечеловеческого и индивидуального опыта. Значение абстрактного мышления, научной интуиции, более того — даже озарения в науке нельзя недооценивать. Именно так были сделаны многие великие открытия: например, впервые сформулирована общая теория относительности. Но все это хорошо, может быть даже необходимо, только при первом приближении к научной проблеме. Решить ее, доказать обоснованность наших построений — если только речь идет не о математике — чисто логическим, умозрительным путем едва ли возможно — для этого нужны другие средства. Сколь блестящими ни были математические доказательства Эйнштейна, общая теория относительности получила всеобщее признание лишь после того, как была доказана экспериментально, когда такие абстрактные понятия, как «кривизна пространства», «ограниченность пространства» и т. п., были подтверждены опытным путем. Эксперимент, если он возможен, — факт, причем факт, не выхваченный произвольно из множества других фактов, а отобранный на основе строго разработанных методологических принципов, — вот критерии истинности наших построе-

ний; иначе они остаются лишь гипотезами. Конечно, гипотезы тоже необходимы, но лишь до того момента, когда они начинают противоречить фактам. Проверить гипотезы, относящиеся к эпохе первобытности, можно с помощью этнографии, археологии и смежных дисциплин, но лишь на основе определенных научных методов.

Итак, то, что я здесь предлагаю, расчленяется на три последовательные операции: 1) построение этнографических типов — обобщенных характеристик отдельных обществ в их конкретных пространственно-временных координатах; 2) конструирование на этой основе этнографических моделей, основанных каждая на системе этнографических типов, близких по своим социально-экономическим показателям, и, наконец, 3) построение общих исторических типов, основанное на сопоставлении этнографических типов, преобразованных в этнографические модели, и типов археологических, т. е. обществ или культур, изучаемых археологией. Таков путь достижения нашей цели — построения типологии социальных форм первобытнообщинной формации. Только тогда, когда нам ясны ведущие закономерности и тенденции, свойственные обществам, изучаемым этнографией, мы можем приступить к реконструкции типологически однородных обществ далекого прошлого.

На Западе существует термин «этноархеология», под которым обычно понимается использование этнографии для объяснения археологических материалов, носители которых генетически и исторически связаны с современным населением тех же территорий. Такие исследования успешно развиваются не только у нас, но и в Северной Америке и Австралии, где существуют или еще недавно существовали племена, непосредственные предки которых оставили памятники, изучаемые археологией. Этнографические и археологические исследования идут здесь рука об руку. Один из многочисленных примеров — работа Р. Гоулда в Западной Австралии. Характерно само название одной из его статей: «Живая археология» [43]. Изучая современных аборигенов Западной пустыни, их жизнь в стойбищах, автор стремился, по его словам, понять и объяснить археологические памятники, оставленные их предками. Сравни-

тельные этнографические материалы, по его мнению, помогают археологам понять поведение людей в аналогичных ситуациях, притом не только древних австралийцев, но и представителей других первобытных культур. Исследователь жил в стойбище аборигенов в разное время года, наблюдая все подробности повседневной жизни и наряду с этим изучая древние, покинутые и все еще посещаемые аборигенами стоянки. Обнаружены, в частности, различия в плане между стоянками для холодного и жаркого времени года, замечено, что обработка камня производилась на каждой семейной стоянке, но каменное сырье приносилось издалека, от культовых центров соответствующих тотемических групп, обращено внимание на связь величины стойбища с запасами воды и пищи в округе и т. д. Интересна также интерпретация наскальных рисунков, изображающих следы кенгуру, эму и других животных. По словам аборигенов, охотники изображали их на скалах, желая ускорить приближение дичи. Рисование следов было как бы средством охотничьей магии. Связь этих рисунков с западнями и охотничьими укрытиями наблюдалась во многих местах.

Значение этого последнего факта становится очевидным на фоне дискуссии о семантике произведений первобытного искусства. Например, А. Леруа-Гуран ставит под сомнение традицию объяснения их как средства охотничьей магии [55]. Рисование с этой целью охотниками-австралийцами бросает свет на аналогичные изображения и на других континентах. При этом необходимо помнить, что не всякое рисование следов животных австралийцами имело магическую направленность. Такие же рисунки — но не вблизи охотничьих укрытий, а в других местах — делались иногда просто как воспоминание или рассказ об удачной охоте.

Сезонные передвижения охотников и собирателей, связанные с цикличностью природы, важные для интерпретации археологических памятников, зафиксированы и другими исследователями. Так, К. Уайт и Н. Петерсон обратили внимание на то, что аборигены Арнемленда возводят длинные хижины на плоскогорье в сезон дождей, но покидают их в сухое время года, когда они спускаются охотиться на равнину. При этом сезонные различия в характере добываемой пищи от-

ражаются и на орудиях труда. Охотники пользуются разными видами копий в разное время года для разных видов дичи [72]. Археолог найдет на стоянках аборигенов больше каменных наконечников, оставленных в сезоны дождей, когда они охотятся на крупную дичь, и больше деревянных и костяных наконечников в сухое время года, когда аборигены бьют рыбу и животных, обитающих в воде. Между тем археологи нередко склонны интерпретировать региональные различия в образе жизни и в инвентаре как различные культуры и субкультуры. На севере Австралии смена времен года и природно-климатических условий отражается на всех группах одинаково, независимо от языка или культуры. По словам Д. Томсона, посторонний наблюдатель принял бы одну и ту же группу аборигенов в разное время года за представителей разных племен, настолько различными оказались бы их занятия и соответствующий охотничий и хозяйственный инвентарь. К такому выводу его привело изучение «сезонного фактора» в экономике аборигенов, сезонных различий в их хозяйственной деятельности и образе жизни в целом [68]. Вот почему изучение коренных австралийцев, этих типичных охотников и собирателей, живущих или еще недавно живших в условиях каменного века, имеет первостепенное значение для первобытной археологии. Нет сомнения, что все эти наблюдения не могут пройти мимо археолога, стремящегося к правильному истолкованию археологических памятников.

Говорят иногда, что, если в распоряжении археолога нет сравнительных материалов, он может исходить в своих выводах только из археологических фактов. В качестве примера этого приводят такое понятие, как археологическая культура. Но в том-то и дело, что в реальной жизни человеческих коллективов археологических культур не существует, и, чтобы понять, чему они соответствовали в жизни первобытных народов, какие реальные явления стоят за ними, необходимы сравнительно-этнографические исследования с целью выяснения, как распространяются явления культуры, как они соотносятся с племенами, группами племен, народностями, совпадают ли границы археологических культур с этническими границами или очерчивают

какие-то культурно-исторические провинции либо сферы обменных связей. Только в этом случае понятие «археологическая культура» наполнится социальным содержанием.

Нередко археологи, недостаточно знакомые с этнографией, усматривают за археологическими культурами племена или группы родственных племен, не учитывая того, что даже в условиях первобытного общества явления культуры имеют тенденцию распространяться далеко за пределы этнических общностей. Археологическая культура и племя, группа племен или какая-то плетная этническая общность — далеко не всегда одно и то же. Без изучения обмена и других факторов распространения предметов материальной культуры у современных народов, без изучения сезонных различий в их хозяйственной и орудийной деятельности, одним словом, без опоры на этнографию успешное изучение археологических культур невозможно.

Какой бы обоснованной ни была реакция историков первобытной культуры против злоупотребления этнографическими аналогиями, знаменательно, что эта наука не может полностью освободиться из «плена» этнографии, не рискуя соскользнуть в область научной фантастики. Характерен в этом отношении пример А. Леруа-Гурана, внесшего в изучение палеолитического пещерного искусства точный статистический метод позволяющий ему уловить за отдельными изображениями ряд закономерностей и внутренних связей, объединяющих эти изображения в комплексы, отражающие мировоззрение творцов как цельную идеологическую систему, как модель мира [55]. Но отказавшись от традиционных попыток интерпретировать памятники искусства палеолита с помощью этнографических понятий, таких, например, как «магия», «обряды плодородия», «инициации» и т. п., которые и в самом деле привлекаются порою на основе лишь поверхностных аналогий, Леруа-Гуран без достаточных оснований усматривает в отдельных изображениях и целых комплексах сексуальные символы, а в палеолитическом искусстве в целом — систему идей с яркой сексуальной окраской. Такая интерпретация не лучше и не убедительнее «традиционных» объяснений.

Другой исследователь, А. Маршак, в своем анализе

памятников палеолитического искусства подошел значительно ближе к тому, как воспринимает и моделирует мир первобытный человек. Это произошло не в последнюю очередь потому, что он обратился к этнографии за свидетельствами, как мыслят современные охотники и собиратели, как они воспринимают течение времени, смену времен года, как они фиксируют смену дней, месяцев, фаз луны, сезонов, занимающих в их жизни такое важное место [59, с. 136—146]. Это помогло ему понять значение во многом еще загадочных, нерасшифрованных изображений на предметах искусства древнего человека как зафиксированных в наглядной форме представлений о мире и человеке, наблюдений над жизнью Земли и движением других небесных тел.

Один из примеров удачного привлечения этнографических параллелей — реконструкция А. П. Окладниковым палеолитического поселения в Бурети. А. П. Окладникову вообще свойственно широкое привлечение этнографических материалов в целях интерпретации археологических находок. Он обнаружил, что жилища Бурети напоминают землянки и полуземлянки эскимосов и чукчей. Особенно близким по конструкции к древним жилищам Бурети оказался чукотский валькар, «дом из челюстей кита» — землянка с тоннелем, вырытым в земле. Аналогии, однако, идут дальше конструктивных особенностей жилищ — одинаковыми оказываются самые поселения чукчей и палеолитических обитателей Сибири, состоящие из нескольких летних и одного зимнего жилища. А если на одной из найденных в Бурети женских статуэток изображена одежда с капюшоном, значит, жителям Бурети был уже известен и типичный арктический костюм, близкий чукотско-эскимосской глухой одежде с откидным капюшоном [14; 15; 8, с. 59—72].

Остается сделать только шаг, чтобы от частных наблюдений и аналогий перейти к обобщениям, касающимся социально-экономических отношений в целом. Аналогии, относящиеся к современным народам Арктики, указывают путь, по которому следует идти. Этнография циркумполярной зоны, единая во многих своих чертах, как бы предлагает исследователю далекого прошлого Сибири модель, которой он может восполь-

зоваться, чтобы реконструировать жизнь древних обитателей Мальты и Бурети.

Анри де Люмлей, исследователь палеолитического жилища в гроте Лазаре, также не скупится на этнографические параллели [50, с. 636—639; 56]. Это в основном материалы по жилищам народов Северной Африки и Арктики. Привлечение этих параллелей, однако, нельзя признать удачным. Люди из Лазаре обитали в пещере, жилище находилось под укрытием — все это мало похоже на жилища туарегов или народов Севера, не говоря уже о полном несходстве климатических и экологических условий. А главное, Люмлей не учитывает колоссальную разницу в социальном и культурном развитии между палеолитическими обитателями грота Лазаре и современными туарегами. Параллель с арктическими народами менее рискованна, так как образ жизни охотников Севера во многом напоминает образ жизни людей из Лазаре. Это относится и к способам добывания основных средств существования и к зависимости от периодических изменений в природе, когда хозяйственная деятельность в соответствии с природным циклом делится на два сезона — оседлый и кочевой. И все же — так ли уж безнадежна попытка реконструировать, даже в общих чертах, социальные отношения обитателей грота Лазаре? Нет, если мы не ограничимся привлечением частных параллелей и пойдем по иному пути. Этот путь — построение этнографических моделей.

Я думаю, что существует принципиальная возможность реконструировать социальную организацию не только позднепалеолитических и мезолитических обществ, близких по уровню своего развития к современным охотникам и собирателям, но и некоторых раннепалеолитических обществ, подобных обитателям грота Лазаре, наиболее продвинувшихся в своем развитии. Эта возможность заложена в методе этнографического моделирования, в основу которого положен анализ социально-экономических отношений у современных охотников и собирателей.

Археологические открытия последних двух десятилетий коренным образом меняют сложившиеся представления об уровне развития людей раннего палеолита. Сравнительно сложная структура социума, внутри-

групповое разделение труда, относительная подвижность (полной оседлости не было), цикличность хозяйственной деятельности, соответствующая природному циклизму, экономическая связь с определенной территорией — все это характерно и для современных охотников. Путь к пониманию общественных отношений, существовавших в объединениях людей эпохи палеолита, — не механическое перенесение общественных отношений современных охотников в палеолит, а изучение механизмов, закономерностей, тенденций, действующих в коллективах современных охотников и собирателей. Тем необходимее сотрудничество археологии и этнографии на основе строго научных, объективных методов.

Охотникам и собирателям самых различных географических зон свойственны некоторые общие тенденции в социальной сфере; эти-то тенденции и существенны для целей реконструкции. Одна из важнейших тенденций, общих для всех современных охотников и собирателей, — объединение их в первобытный хозяйственный коллектив, общину, и зависимость численности, относительной подвижности, всего образа жизни общины от экологических условий и направления хозяйственной деятельности. В различных конкретных условиях эта тенденция проявляется по-разному, но она присутствует везде. Например, хозяйственный год народов Севера и Дальнего Востока резко делился на два периода — зимний и летний, и в соответствии с этим менялся весь образ жизни: общины переселялись из зимних, коллективных жилищ в летние, предназначенные для отдельных семей, рядом с зимним жилищем в том же селении или на сравнительно большом расстоянии от него. Так, многие народы на северо-восточном побережье Тихого океана имели два постоянных сезонных поселения — зимнее, вдали от берега, ближе к местам охоты, и летнее, в устьях нерестовых рек. Сезонные миграции других народов имеют иной характер. Так, зимой, когда кочевание невозможно, полярные эскимосы собираются в стойбища близ мест охоты, весной эти группы, часто увеличенные за счет семей из других стойбищ, переселяются в легкие палатки и передвигаются вдоль берега, охотясь на птиц и морских животных, и, наконец, летом, когда пищи ста-

новится меньше, стойбище распадается на группы из одной или двух семей, и каждая группа самостоятельно охотится на оленей карибу и занимается рыбной ловлей [71].

Неодинаковым, зависящим от местных физико-географических и климатических условий был и образ жизни тасманийцев, сохранивших к началу XIX в. чрезвычайно архаические черты общественных отношений и культуры. Жители Восточной Тасмании вели сезонное кочевание, опирающееся на временные стойбища то у моря, где они собирали моллюсков, то вдали от моря, где они охотились. Аборигены Западной Тасмании вели полуседлый образ жизни, ориентированный преимущественно на морской промысел — добывание моллюсков и охоту на тюленей. С различиями в активной адаптации к экологическим условиям и в хозяйственной деятельности были связаны различия в орудиях труда и типах жилищ: на востоке это были примитивные ветровые заслоны, на западе — большие, прочные хижины [7].

Уже из этих немногих примеров видно, что за различиями в типах экономического освоения среды обитания, связанными с различиями природно-географических условий, стоят единые закономерности и тенденции, изучив которые, мы приблизимся к пониманию социально-экономических процессов у народов далекого прошлого.

Существует целый комплекс признаков, свойственных охотничье-собираетельским общинам любых географических зон. Так, любой охотничьей общине присуще более или менее развитое внутриобщинное разделение труда, прежде всего половозрастное; впрочем, и специализация в некоторых видах производства появляется сравнительно рано. Довольно рано возникает и межобщинное разделение труда, основанное на географических различиях и этнических традициях. Любая охотничья община экономически связана с определенной территорией, которая рассматривается другими общинами как ее собственность. Любая охотничья община меняет относительную подвижность и весь образ жизни в соответствии с природным циклом. Община охотников и собирателей находится как бы в состоянии гибкого равновесия с окружающей природ-

ной средой. Социальным инструментом, поддерживающим это равновесие и обеспечивающим нормальную жизнедеятельность общины, является способность ее то распадаться на хозяйственные группы, а то и отдельные семьи, то вновь собираться в полном составе.

Этнографические данные, относящиеся к жилищам, поселениям, хозяйственной деятельности, разделению труда, численности, составу и динамике производственных объединений у современных охотников, рыболовов и собирателей, имеют первостепенное значение для реконструкции социально-экономических отношений в эпоху палеолита. Это убедительно показано С. Н. Бибиковым и В. М. Массоном [3; 12]. Но еще большее значение приобретают эти материалы, когда они определенным образом сгруппированы, систематизированы, обобщены, когда выявлены общие особенности и тенденции, сближающие различные этносы, обитающие в сходной географической среде или стоящие на близком уровне социально-экономического развития. Тогда мы можем привести их как бы к общему знаменателю и сконструировать этнографическую модель, ценность которой для сравнительно-исторического исследования состоит в том, что она объединяет в себе общее, единое, необходимое для данного этнографического типа.

Анализ социально-экономических отношений и ведущих тенденций в изучаемых этнографией охотничье-собирательских общинах, а затем обобщение полученных результатов дает нам искомую модель, необходимую для реконструкции жизни людей в эпоху палеолита, мезолита и раннего, доземледельческого неолита. Она выражает ведущие тенденции, проявившиеся уже в некоторых, наиболее продвинутых в своем развитии обществах раннего палеолита, не говоря о позднем палеолите и мезолите.

Основы сравнительно-исторического метода в применении к реконструкции прошлого были заложены Л. Г. Морганом и Ф. Энгельсом. Сущность метода Моргана сжато сформулирована Энгельсом в следующих словах: «Великая заслуга Моргана состоит в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту доисторическую основу нашей писаной истории и в родовых связях северо-американских индейцев нашел

ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории» [2, с. 26].

Учреждения современных отсталых племен рассматривались Морганом и Энгельсом как источник для воссоздания пути, пройденного народами более развитыми. Изучая общественный строй и культуру отсталых племен, они рассматривали все это не как нечто неповторимое и уникальное, а как ключ к прошлому, как источник для изучения первобытной истории. Этнография как одна из основ реконструкции истории первобытного общества — вот чему учат труды Морганов, вот в чем его «великая заслуга», по определению Энгельса. Этот метод сохраняет свое принципиальное значение и сегодня.

Этнографы-функционалисты первой половины нашего столетия во главе с Б. Малиновским, разочаровавшись в попытках их предшественников-эволюционистов реконструировать далекое прошлое, отказались от самой идеи проникновения в прошлое бесписьменных народов, провозгласив, что оно непознаваемо и не следует тратить время на бесплодные спекуляции. Последние десятилетия, однако, вновь ознаменовались возвращением многих западных этнографов к историзму. Многие известные этнографы и археологи снова видят в этнографии, в использовании ее данных принципиальную возможность познания далекого прошлого.

Среди первых западноевропейских ученых, выступивших в послевоенные годы с постановкой этой проблемы, были представители немецко-австрийской культурно-исторической школы — В. Копперс и др. [47; 48; 49]. Согласно И. Гекелю, сотрудничество археологии и этнологии необходимо уже потому, что современность коренится в прошлом. Этнология охватывает жизнь народов в ее целостности, археология располагает лишь ее фрагментами, но лежащими в исторической перспективе, и это также диктует необходимость их сотрудничества. Археология должна стать социологически ориентированной наукой, но это возможно лишь при содействии этнологии. Без последней невозможно, например, воссоздать социальную организацию на основании раскопок жилых комплексов. Сравнительно-этнографическое и типологическое исследование охотников и

собрателей содействует изучению палеолитических и мезолитических обществ. Важнейшее значение имеют, по мнению Гекеля, этногенетические исследования [44]. Ф. Х. Бурш также говорит, что этнология, изучая культуру первобытных народов в ее целостности, воспринимает ее исторически как бы на одном уровне, тогда как археология видит развитие культуры в хронологической последовательности, хотя в распоряжении археологии оказываются лишь случайные ее остатки. Чтобы преодолеть этот разрыв, необходимо сотрудничество обеих наук, нужно сделать этнологию исторической наукой, изучающей культуру в историческом движении [31]. Древнейших людей методологически правильно сравнивать с современными нам наиболее отсталыми народами, пишет К. Нарр. Самый верный путь интерпретации общественной жизни древних людей — изучение современных охотников и собирателей, живущих небольшими локальными группами, основанными на половозрастном разделении труда. Это наиболее естественная социальная структура, отвечающая основным потребностям небольших человеческих групп, экономика которых строится на охоте и собирательстве. В то же время она содержит в себе как бы в зародыше все основные элементы последующего социального развития [61].

Известный английский археолог Г. Кларк, автор нескольких работ, в которых он сам использует этнографические параллели и теоретически рассматривает перспективы их применения [35; 36], пишет: «Подобно тому как геологи, изучающие оледенения эпохи плейстоцена, исследуют существующие в настоящее время ледники или как палеонтологи изучают ископаемые кости, сравнивая их со скелетом ныне живущих животных, так и археологи должны реконструировать исчезнувшие древние миры, опираясь на изучение существующих обществ» [34, с. 50]. Отношение Кларка к этнографическим параллелям как источнику новых возможностей в области истолкования данных археологии было в целом положительно воспринято многими ведущими английскими и американскими археологами, от Г. Чайлда до Л. Бинфорда. Вместе с тем Чайлд отмечал, что этнографические параллели, относящиеся к тем же регионам, где расположены археологические

памятники, надежнее и перспективнее, чем «экзотические». Этнографические параллели только указывают направление, в котором нужно искать объяснение археологическим фактам, но не предлагают готовых ответов. Ни одно существующее общество не походит совершенно точно на доисторическое, и современные первобытные общества обнаруживают бесконечное разнообразие форм [33, с. 49].

В США на важность этноархеологических аналогий указывал Р. Ашер [21]. Существующие общества можно изучать так, что результаты будут представлять большую ценность для археологов, писал он, и такова его собственная работа об индейцах сери [22]. Между археологией и этнографией, исчезнувшим и продолжающимся нет непроходимой стены, полагает Ашер. Но теоретически взаимоотношение археологии и этнографии нуждается в исследовании.

Проблему этнографических аналогий обсуждает в серии работ Л. Бинфорд — один из представителей американской «новой археологии» [24; 25; 28; 29]. Материалы этнографии, полагает он, могут и должны быть использованы для моделирования социальных и культурных систем первобытности, хотя основой реконструкции должны оставаться сами данные археологии. Он призывает к преодолению ограниченности археологии и этнографии и разработке методов их взаимодействия. В одной из статей он сам широко привлекает данные этнографии в качестве примера этнографического моделирования [27]. И эта тенденция в современной западной науке ныне преобладает, в чем нельзя не видеть начавшегося преодоления характерного для нее в недавнем прошлом презентизма.

Возможности реконструкции первобытности с опорой на данные по современным охотникам и собирателям обсуждаются и международным коллективом авторов сборника «Человек-охотник». В то время как археолог Л. Фримен высказывает отрицательное отношение к этнографическим параллелям, известный исследователь археологии Африки Дж. Кларк говорит о том, что изучение современных охотников имеет большое значение для понимания общественной жизни древних охотников, и настаивает на координации археологических и этнографических исследований. «Координация резуль-

татов полевых исследований среди современных охотников и собирателей, предпринятая этнографами и археологами, *работающими вместе*, и дополненная историческими источниками и сравнительным изучением следов изношенности на орудиях, могла бы значительно расширить основу более точной интерпретации жизни преисторических обществ, открытых раскопками отдельных стоянок», — говорит Кларк [57, с. 280]. В другом месте Кларк говорит о том, что изучение все еще существующих охотников каменного века должно «дать множество новых данных, которые могут быть использованы в качестве основы для более точной реконструкции образа жизни людей на преисторических стоянках» [57, с. 278]. Большинство авторов сборника, не отрицая принципиальной возможности реконструировать первобытность с помощью этнографии, призывают совершенствовать методы реконструкции и не ограничивать ее лишь отдельными этнографическими примерами [57, с. 5, 159, 335 и др.]. Об этом свидетельствуют, например, статья Дж. Бердселла о демографических тенденциях у современных охотников и собирателей как основе реконструкции демографических процессов в эпоху плейстоцена и дискуссия по ней [57, с. 229—240, 245—249]. Другая дискуссия специально посвящена проблеме реконструкции первобытности. Почти никто из ее участников не выражает сомнений в ценности и важности данных этнографии, все они призывают к тесному сотрудничеству археологов с этнографами на основе более совершенной методики, а некоторые подчеркивают исключительную важность исследований по современным охотникам и собирателям для реконструкции первобытности [57, с. 253, 268, 272 и др.].

В другом международном издании, сборнике «Человек, поселение, урбанизация», Кларк говорит о необходимости переосмысления выводов археологии в свете данных этнографии [37]. Осторожное и вместе с тем позитивное отношение к этнографическим параллелям свойственно и многим другим авторам этого сборника.

Однако еще и в наши дни раздаются крайне скептические голоса. Так, английский этнограф-структуралист Э. Лич пишет: «Для археологов социальная организация в таком виде, как ее понимают социальные

антропологи, останется навсегда тайной» [67, с. 767]. Он говорит о том, что «примитивные» общества XX в. не являются окаменелостями, сохранившимися с палеолита. Прямые аналогии здесь невозможны, гипотезы о первобытном прошлом никогда не превратятся в научно установленные факты [67, с. 761, 768].

Нельзя не признать, что в этом есть доля правды, — однако лишь доля. Заслуга других исследователей — некоторые из них были уже упомянуты здесь — и состоит как раз в том, что они пытаются найти выход из этого положения, приблизиться, насколько возможно, к подлинному пониманию первобытности, ее социальной организации и духовной культуры, разработать научные методы ее реконструкции.

Отрицательному или скептическому отношению некоторых этнографов и археологов к использованию данных этнографии для интерпретации археологических памятников противопоставлено иное направление, не менее критическое, но признающее значение этнографических источников и необходимость опоры на них. Так, Р. Акко указывает, что от этнографии не следует ожидать простых и однозначных ответов и что чем разнообразнее и многочисленнее этнографические параллели и аналогии, тем больше уверенности в надежности нашей интерпретации археологических фактов. Акко — убежденный сторонник сотрудничества археологии и этнографии. Использование этнографических параллелей раздвигает горизонты археологии, открывает новые возможности для истолкования памятников древности. Археология не может обойтись без этнографии, без этнографических моделей, построенных на основе изучения различных обществ и культур [69, с. 153, 157; 70]. Австралийский археолог и этнограф Н. Петерсон признает, что этнографические аналогии имплицитно или эксплицитно присутствуют во всех реконструкциях первобытной древности [65].

Археологи В. Мегоу и Р. Джонс в обобщающем труде о древнейшем прошлом человечества широко привлекают в целях интерпретации археологических памятников этнографические материалы по современным охотникам и собирателям, подчеркивая важность этих данных для изучения первобытной экономики, так как последняя является, по их мнению, наиболее устойчи-

вым продуктом социально-культурной адаптации [60]. Авторы сборника «Современная археология» также привлекают данные по современным охотникам и собирателям для реконструкции хозяйства и общества первобытных охотников. По мнению авторов книги, многое в памятниках археологии может быть объяснено наблюдениями над хозяйственной деятельностью современных охотников в составе общин и временных хозяйственных групп, на которые общины распадаются в определенные периоды годового цикла [53]. Существуют и другие аналогичные работы [например, 66; 73].

Признавая, что археология и этнография сложились как самостоятельные науки, американский археолог Чжан Гуан-чжи намечает несколько сфер их общих интересов, и среди них — интерпретация археологических памятников с помощью этнографии. Взаимодействие археологии и этнографии необходимо. Реконструкция социокультурных систем первобытности должна основываться на этнографических моделях. Чжан Гуан-чжи цитирует К. Клакхона: «Археология — это этнография и культурная история древних обществ». Изучая человеческие общества (а не просто камни или черепки), археология становится этнологией. В то же время археология делает этнологию историей, внося в нее историческую перспективу [32].

В свое время решительными противниками этнографических параллелей в интерпретации памятников палеолитического искусства выступили французские исследователи А. Ламинг и А. Леруа-Гуран. Понимание археологических памятников должно, по мнению Ламинга, вытекать из интенсивного изучения самих этих памятников, без обращения к этнографии [51, с. 167—169]. Этнографические аналогии, полагает Леруа-Гуран, принесли развитию первобытной археологии больше вреда, чем пользы: они парализовали научное воображение [54, с. 3—4]. Впрочем, в той же работе он допускает пользу этнографии, но лишь в одном отношении: она показала, что психика первобытного человека столь же сложна, что и современного европейца. В остальном этнографические аналогии ведут лишь к безудержным спекуляциям [54, с. 77, 145]. В другой работе Леруа-Гуран пишет, что единственный способ избавиться от «миража» австралийских аборигенов, эскимосов и

т. п. — полностью исключить гипотезы, основанные на этнографических аналогиях, и интерпретировать археологические данные, исходя из анализа их самих [55, с. 31—32]. Но и сам Леруа-Гуран не может совершенно отказаться от этнографических параллелей и в некоторых случаях прибегает к ним [54, с. 29; 55, с. 48].

Непосредственное изучение индейцев Южной Америки заставило А. Ламинг изменить прежнее отрицательное отношение к этнографии и признать, что исследования этнографов и археологов взаимно дополняют и обогащают друг друга [52]. То же произошло и с Л. Бинфордом, хотя его отношение к этнографии было менее отрицательным. Работа среди эскимосов Северной Аляски с целью проверки археологических гипотез побудила его признать ценность этнографических аналогий для интерпретации памятников палеолита и еще раз указать на необходимость взаимодействия археологии и этнографии [26].

Б. Орме перечисляет главные возражения, которые выдвигались до сих пор против этнографических параллелей: это и длительность человеческой эволюции, биологической и социальной, и неясность взаимоотношений между социальным поведением и его материальным воплощением, изучаемым археологией, и разница в целях и методах между археологическим и этнографическим исследованием, и тот факт, что корреляция между археологическими и этнографическими данными в одном отношении не обязательно предполагает корреляцию в других отношениях, и многое другое [64, с. 205]. Статья показывает, что конкретные методы взаимодействия этнографии и первобытной археологии на Западе почти не разработаны, так же, впрочем, как и у нас. В другой статье Орме пишет о том, что первобытная археология всегда так или иначе опиралась на данные этнографии. Но, несмотря на это, в области теории взаимодействия двух наук, в методах использования этнографии для реконструкции первобытности ни в недавнем прошлом, ни в самые последние годы прогресса не произошло, да он и невозможен в условиях нынешнего теоретического состояния первобытной истории [63, с. 487, 490].

Между тем в последние годы появилось еще несколько работ, в которых обсуждается ценность данных

этнографии для интерпретации археологических памятников и рассматриваются возможности их использования, а также методика сравнительно-этнографического исследования [41; 42]. Проблема соотношения археологии и этнографии в реконструкции социальных систем первобытности была недавно рассмотрена Г. Йессингом. Главное отличие этнографии от археологии состоит, по его мнению, в том, что первая имеет дело с цельными, функционально связанными системами, археологии недоступными. Этот недостаток последней и призвано преодолеть сотрудничество обеих наук. Большое значение Йессинг придает этногенетическим исследованиям [40]. Статья вызвала много откликов, но, говоря о выводах, непосредственно извлекаемых из археологических материалов и опосредствованных обращением к содействию других источников, ни Йессинг, ни его критики ничего не пишут о методике этих двух видов реконструкции, а в этом — ключ к решению проблемы. Один из важных ее аспектов — общественные функции первобытных орудий [6].

Изучению экономики охотников и собирателей, основанному на данных археологии и этнографии, посвящена работа американского исследователя М. Йохима. Опираясь на материалы этнографии, автор строит модель, обобщающую экономику охотников и собирателей в различных условиях, а затем показывает, как с помощью этой модели анализируются археологические материалы [46].

Удачным примером использования этнографической модели является работа Н. Дэвида. Изучая одну из позднепалеолитических культур Европы, носители которой занимались сезонной охотой на оленей карибу, он в целях реконструкции их экономики и социальной организации привлекает этнографические материалы по охотникам на карибу Северной Америки — эскимосам нунамит, атапаскам набесна и северным группам монтанье-наскапи. Важно отметить, что Дэвид использовал данные не по одной этнической группе, а по всем охотникам на карибу, и эти материалы в совокупности и позволили ему построить этнографическую модель, наиболее близкую по своим социально-экономическим показателям к реконструируемому им археологическому типу [38].

Автор одной из наиболее значительных исторических реконструкций нашего времени Э. Борнеман прибегает к этнографическим параллелям как к примеру «экономической аналогии» палеолиту, так как, по его убеждению, одинаковые условия производства порождают одинаковые общественные формы [30, с. 45 и сл.].

Особое место занимают теоретические исследования ученых ГДР, в которых находит дальнейшее развитие марксистская традиция в подходе к этнографии как одной из основ реконструкции первобытной истории. Наиболее четко эта проблематика выражена Х. Грюнертом. Археология, пишет он, — общественная наука, и ее задача состоит в том, чтобы на основе ее специфических источников исследовать законы развития человеческого общества в первобытную эпоху. Предметом археологии является первобытное общество в исторической динамике. Археологию и этнографию объединяет общий предмет исследования: общество на различных этапах развития первобытнообщинной формации. Из общности предмета исследования вытекает необходимость сотрудничества обеих наук и их общие задачи. При этом, как уже отмечалось и другими авторами, преимущество археологии состоит в том, что ее данные фиксируются в относительной и абсолютной хронологической последовательности, тогда как этнография выявляет диалектические связи внутри живых, функционирующих обществ, их структуру и развитие. И Грюнерт ставит неизбежный вопрос: в какой же мере данные этнографии могут служить опорой для реконструкции общественно-экономических отношений далекого прошлого? Как измерить различия между древними и современными обществами, различия, которые являются следствием внутреннего развития и внешних влияний? Отвечая на эти вопросы, Грюнерт высказывает мысль, что современные методы естественных и исторических наук позволяют учесть тысячелетние изменения в естественногеографической и исторической сферах. Методологической основой такого исследования являются материалистическая диалектика и концепция общественно-экономических формаций [45].

Наш обзор показывает, что все больше исследователей склоняются к комплексному использованию этно-

графических и археологических данных, что и составляет сущность сравнительно-исторического метода в области изучения первобытной истории. Однако историко-типологический подход и основанный на нем перспективный метод этнографического моделирования, обладающий большими потенциальными возможностями, делают пока лишь первые шаги. Только концепция общественно-экономических формаций, только включение предметного мира археологии и этнографии в единую систему первобытнообщинной формации делает сотрудничество археологов и этнографов в построении истории человеческого общества на ранних его этапах действительно плодотворным.

Реконструкция истории первобытного общества должна основываться на совокупности методов, ядром которой, как я стремился показать здесь, призваны стать историко-типологический метод и основанный на нем метод этнографического моделирования. Ключ к развитию истории первобытного общества — в совершенствовании ее специфических методов. Ведь метод — это инструмент научного познания. Если несовершенен инструмент, могут ли быть безупречными результаты работы? Если несовершенны приемы мобилизации этнографических фактов в целях реконструкции первобытной истории, могут ли быть безупречными итоги реконструкции?

Таким представляется мне тот путь, по которому следовало бы двигаться в дальнейшем для того, чтобы в полной мере реализовать заложенные в этнографии и археологии возможности познания первобытнообщинной формации во всей достижимой полноте. Речь здесь идет не просто о приемах и методах исследования, а о самостоятельной научной теории со своим кругом задач — о теории реконструкции первобытности. Перед нами вырисовываются контуры особого синтетического направления научных исследований, ставящего своей целью взаимодействие археологии и этнографии не только для интерпретации отдельных археологических памятников или для иных ограниченных исследовательских задач, но прежде всего для решения фундаментальных проблем истории первобытности. Его ближайшей целью является разработка теоретических основ взаимодействия этих наук.

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12.
2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21.
3. Библиков С. Н. Некоторые аспекты палео-экономического моделирования палеолита.—СА. 1969, № 4.
4. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973.
5. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
6. Кабо В. Р. Каменные орудия австралийцев.—ТИЭ. Т. 80, 1962.
- 6а. Кабо В. Р. История первобытного общества и этнография. (К проблеме реконструкции прошлого по данным этнографии).—Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. М., 1972.
7. Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975.
8. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 2. Новосибирск, 1972.
9. Лотман Ю. Заметки о структуре художественного текста.—Труды по знаковым системам. Вып. 5. Тарту, 1971.
10. Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
11. Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.
12. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
13. Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934.
14. Окладников А. П. Буреть — новая палеолитическая стоянка на Ангаре.—СА. 1940, т. 5.
15. Окладников А. П. Палеолитические жилища в Бурети.—КСИИМК. 1941, вып. 10.
16. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
17. Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.
18. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972.
19. Файнберг Л. А. Возникновение и развитие родового строя.—Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975.
20. Штофф В. А. О роли моделей в познании. Л., 1963.
21. Ascher R. Analogy in Archaeological Interpretation.—«South-western Journal of Anthropology». 1961, vol. 17.
22. Ascher R. Ethnography for Archaeology: a Case from the Seri Indians.—«Ethnology». 1962, vol. 1.
23. Benedict R. Patterns of Culture. L., 1935.
24. Binford L. R. Archaeology as Anthropology.—«American Antiquity». 1962, vol. 28.
25. Binford L. R. Methodological Considerations of Archaeological Use of Ethnographic Data.—Man the Hunter. Ed. by R. B. Lee and J. De Vore. Chicago, 1968.
26. Binford L. R. Interassemblage Variability: the Mousterian and the «Functional» Argument.—The Explanation of Culture Change. Ed. by C. Renfrew. L., 1973.
27. Binford L. R. Post-Pleistocene Adaptation.—New Perspectives in Archaeology. Ed. by L. R. Binford and S. R. Binford. Chicago, 1968.
28. Binford L. R. Archaeological Perspectives.—New Perspectives

- in Archaeology. Ed. by L. R. Binford and S. R. Binford. Chicago, 1968.
29. Binford L. R. An Archaeological Perspective. N. Y., 1972.
 30. Borneman E. Das Patriarchat. Frankfurt am Main, 1975.
 31. Bursch F. C. Ethnologie und Vorgeschichte. — «Saeculum», 1954, Bd 5, H. 3.
 32. Chang K. C. Major Aspects of the Interrelationship of Archaeology and Ethnology. — «Current Anthropology». 1967, vol. 8, № 3.
 33. Childe V. G. Piecing Together the Past. L., 1956.
 34. Clark J. G. D. Folk Culture and the Study of European Prehistory. — Aspects of Archaeology. L., 1951.
 35. Clark J. G. D. Archaeological Theories and Interpretations. — Anthropology Today. Ed. by A. L. Kroeber. Chicago, 1952.
 36. Clark J. G. D. Archaeology and Society. Reconstructing the Prehistoric Past. Cambridge, 1959.
 37. Clark D. Mobility and Settlement Patterns in Sub-Saharan Africa. — Man, Settlement and Urbanism. Ed. by P. J. Ucko a. o. L., 1972.
 38. David N. On Upper Palaeolithic Society, Ecology, and Technological Change: the Noaillian Case. — The Explanation of Culture Change. L., 1973.
 39. Gellner E. Primitive Communism. — «Man». 1973, vol. 8, № 4.
 40. Gjessing G. Socio-Archaeology. — «Current Anthropology». 1975, vol. 16, № 3.
 41. Gopala Sarana. Archaeological Interpretation and Anthropology. — Studies in Indian History and Culture. Ed. by S. Ritti and B. R. Gopal. Dharwar, 1971.
 42. Gopala Sarana. The Methodology of Anthropological Comparisons. An Analysis of Comparative Methods in Social and Cultural Anthropology. — «Viking Fund Publications in Anthropology». 1975, № 53.
 43. Gould R. A. Living Archaeology: the Ngatatjara of Western Australia. — «Southwestern Journal of Anthropology». 1968, vol. 24, № 2.
 44. Guhr G. Zur ethnographisch-archäologischen Methodologie. Betrachtungen zu einer theoretischen Diskussion in der österreichischen Forschung. — «Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift». 1966, 7 Jg., H. 1.
 45. Grünert H. Bemerkungen zu Geschichte, Stand und Bedeutung der Zusammenarbeit von Archäologie und Ethnographie in der Ur- und Frühgeschichtsforschung. — «Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift». 1974, 15 Jg., H. 2.
 46. Jochim M. A. Hunter-Gatherer Subsistence and Settlement. A Predictive Model. N. Y., 1976.
 47. Koppers W. Das Problem der Parallelisierung zwischen Ethnologie und Prähistorie. — Kultur und Sprache. Wien, 1952.
 48. Koppers W. Zusammenarbeit von Ethnologie und Prähistorie. — «Zeitschrift für Ethnologie». 1953, Bd 78, H. 1.
 49. Koppers W. Das Problem des Universalgeschichte. — «Anthropos». 1957, Bd 52, H. 3—4.
 50. La préhistoire française. Les civilisations paléolithiques et mésolithiques de la France. T. 1. P., 1976.
 51. Laming A. Lascaux. L., 1959.

52. Laming-Emperaire A. Primitifs d'hier et d'aujourd'hui.— Sciences et avenir: la vie préhistorique. P., 1972.
53. Leone M. P. (ed.). Contemporary Archaeology. L., 1972.
54. Leroi-Gourhan A. Les religions de la préhistoire. P., 1964.
55. Leroi-Gourhan A. Préhistoire de l'art occidental. P., 1965.
56. Lumley H. Une cabane acheuléenne dans le grotte du Lazaret (Nice).— «Mémoires de la Société préhistorique française». 1969, t. 7.
57. Man the Hunter. Ed. by R. B. Lee and J. De Vore. Chicago, 1968.
58. Marett R. R. Head, Heart and Hands in Human Evolution. L., 1935.
59. Marshak A. The Roots of Civilization. N. Y., 1972.
60. Megaw V. and Johnes R. The Dawn of Man. L., 1972.
61. Narr K. J. Approaches to the Social Life of Earliest Man.— «Anthropos». 1962, Bd 57, H. 3—6.
62. Nutini H. G. Social Structure and Model Building.— Claude Lévi-Strauss. The Anthropologist as Hero. Ed. by E. and T. Hayes. Cambridge, 1970.
63. Orme B. Archaeology and Ethnography.— The Explanation of Culture Change. L., 1973.
64. Orme B. Twentieth-Century Prehistorians and the Idea of Ethnographic Parallels.— «Man». 1974, vol. 9, № 2.
65. Peterson N. Open Sites and the Ethnographic Approach to the Archaeology of Hunter-Gatherers.— Aboriginal Man and Environment in Australia. Ed. by D. Mulvaney and J. Golson. Canberra, 1971.
66. Rouse J. Introduction to Prehistory. N. Y., 1972.
67. The Explanation of Culture Change: Models in Prehistory. Ed. by C. Renfrew. L., 1973.
68. Thomson D. F. The Seasonal Factor in Human Culture, Illustrated from the Life of a Contemporary Nomadic Group.— «Proceedings of the Prehistoric Society». Cambridge, 1939, vol. 5.
69. Ucko P. J. and Rosenfeld A. Palaeolithic Cave Art. L., 1967.
70. Ucko P. J. Ethnography and Archaeological Interpretation of Funerary Remains.— «World Archaeology». 1969, vol. 1, № 1.
71. Weyer E. M. The Eskimos. Hamden, 1962.
72. White C. and Peterson N. Ethnographic Interpretation of the Prehistory of Western Arnhem Land.— «Southwestern Journal of Anthropology». 1969, vol. 25, № 1.
73. Yellen J. and Harpending H. Hunter-Gatherer Populations and Archaeological Inference.— «World Archaeology». 1972, vol. 4, № 2.